

О НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ АРХАИЗМАХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Работа в области славянской этимологии часто сопряжена с выявлением в лексике форм, которые, будучи исконными элементами славянского словаря, все-таки несколько выделяются среди остальных слов деривационно и грамматически. Во-первых, это проявляется в невозможности объяснения словообразовательной структуры определенных лексем на собственно славянской почве (при том, что данная конкретная форма не является заимствованной!), поскольку они были унаследованы праславянским со времен индоевропейского диалектного состояния. Соответственно, детали их образования проясняются только при апелляции к реалиям (обще) индоевропейского языка, лексику которого унаследовали праславянские идиомы. Во-вторых, строение многих слов обнаруживает структурные элементы, не свойственные тем парадигмам (склонения, спряжения), к которым относится эта лексика. Конечно, к случаям такого рода относятся и примеры относительно поздней грамматической аналогии, результатом которой становится переход того или иного слова из одного класса основ в другой, как, например, в склонении (ср., в частности, тематизацию консонантных основ, результатом чего стал их переход в тематическое склонение, как в случае со ст.-рус. *Деревесь* – ойконим [НПК II, 395] – этимологическая форма косвенных падежей *s*-основы с присоединенным показателем склонения на *-ǫ*). Они хорошо отражены памятниками письменности разного времени и подробно описаны в исследованиях по истории славянских языков. Но исследователей, чьи интересы лежат в плоскости реконструкции праязыковых состояний, в первую очередь интересуют лексемы, демонстрирующие признаки *реликтовых грамматических форм*, сохраненных в славянском путем их адаптации к системе *активных, живых грамматических форм* (напр., функционирование индоевропейского аблатива ед. ч. на **-ōt>* *-a* в качестве генитива *й*-основ в славянском, ср. ген. **doma* при ожидаемом **domi*, как в **medu*, **synu*, и эта же форма abl. **domōt* полнее сохранена в составе производной основы псл. **domat-jь* [ЭССЯ 5, 67, 68]). Их этимологическое освещение также предполагает апелляцию к ресурсам морфологии праиндоевропейского языка.

Итак, речь идет о грамматических архаизмах, следах праиндоевропейских грамматических форм в праславянском. Проблеме описания этих языковых «петрификатов» посвящен солидный список

литературы, кроме того, любой этимологический словарь, курсы сравнительной грамматики славянских (и не только) языков, праславянской грамматики разных авторов содержат объяснения некоторого количества грамматических «окаменелостей». Однако пока продолжается реконструкция праславянского лексического фонда, уточняются характеристики парадигм праславянского языка, реестр таких архаизмов постоянно пополняется. В настоящей заметке дается комментарий к нескольким славянским словам, предположительно являющимся пережитками праиндоевропейской грамматики в праславянском.

1. К следам праиндоевропейской именной морфологии в праславянском относят немногочисленные следы гетероклитического склонения на *-r/n-*, поэтому кажется уместным привести здесь несколько новых примеров, дополняющих существующий список основ этого типа. Ст.-сл. **къкънь**, **-ня** ‘голень, лысто’ в ЭССЯ рассматривается как единственный рефлекс псл. **кък(ъ)нь*. Это последнее определено как родственное **къка* (засвидетельствовано только в слвн. *kêka* ‘густые, обильные волосы на голове’, ‘человек, который ходит сутулясь’) и **kuka* < и.-е. **kou-k-* ‘изгибать, искривлять; загнутое’ ([ЭССЯ: 13, 86–87, 177], зачисление *къкънь* в гнездо и.-е. **keu-k-* ‘гнуть, сгибать’ находим и в: [Pokorný 589]). Не оспаривая в общем самого факта введения **кък(ъ)нь* к гнезду и.-е. **kou-k-* (его разновидности с редуцированным вокализмом), как и приведенной реконструкции, тем не менее считаем его недостаточным, поскольку без внимания остались детали структуры слова.

Прежде всего, особо подчеркнем невозможность словопроизводства **кък(ъ)нь* из **къка* (авторы ЭССЯ справедливо говорят именно о родстве, а не о производности) – как по причине семантического несоответствия (этот факт лежит на поверхности, тем более, что в самом старославянском соотносительные бессуф. формы также демонстрируют существенное отличие значения, ср. **къкъ** ‘волос, волосы’, **къка** ‘волос’ [ССЯ 91, 97]), так и с учетом географии обоих лексем, представляющих узкие изолированные диалектизмы, связь которых устанавливается только этимологически. Их явно остаточный (рудиментарный) характер указывает на то, что мы имеем дело не с фактом славянской деривации, а скорее с лексическими реликтами индоевропейской эпохи. Исходя из этого, можно предполагать консервацию в **кък(ъ)нь* архаичной основы на *-n*, т.е. и.-е. **kuk-n-* или **kuk-un-* (если *ъ* перед *n* в **кък(ъ)нь* не результат вторичной вокализации), закономерно переоформленной в праславянскую эпоху по образцу продуктивных основ тематического склонения на *-ō* и *-ā* (мягкий вариант, ср. еще **къкъня**, **-ня** ‘голень’ [ССЯ 91]). К лексемам,

отражающим парную основу на *-r*, относятся с.-в.-н. *hocker, hogger, hoger* ‘горб, спина’, д.-исл. *haugr* ‘холм, горка, бугор’ (**kukro-*), лтш. *kukurs* ‘нарост, горб; шишка, желвак’ [Pokorny 589]. Т.е. возможно восстановление древней основы пом., accus. **kukr-* (**kukur*) и основы остальных падежных форм **kukn-* (**kukun-*).

2. В паре основ **ěskn-* (: **ěsknъ(jb)* ‘ясный, светлый’) и **ěskr-* (: **ěskr-avъ(jb)* ‘яркий’), относящихся к данному типу склонения, вариант на *-r-* отмечен только в составе производной адъективной формы на *-av-*. В «чистом» виде он представлен только в **jъskra* с отличным корневым вокализмом, см.: [ЭССЯ 6, 51–53; 8, 239–240]. Восстановление **ěskra* возможно на основании укр. лемк. *яскра*, *-ы* ‘глаукома, опасная болезнь глаз’ [Пиртей 361], что подтверждается не только фонетически, но и самим характером обозначаемого понятия: глаукома иногда сопровождается отсвечиванием области зрачка серым или зеленовато-голубым. Это слово пропущено в этимологическом словаре украинского языка, где в статье *яскра́вий* псл. **ěskra* восстанавливается с учетом пол. *jaskra* ‘искра’ [ЕСУМ 6, 556].

3. Еще в меньшей мере в славянском засвидетельствованы реликты гетероклизии на *-l-* / *-n-*. Соответствующие индоевропейские лексемы, иллюстрирующие это старое соотношение, представлены формами типа лит. *ąžuolas*, диал. *ąžuolis*, *-iēs*, лтш. *užuōls* ‘дуб’ и д.-прус. *ansonis* ‘т. с.’ и некоторыми другими (подробнее см.: [Eckert 18 и след.]). В связи со сказанным рассмотрим еще такую пару слов: пол. диал. *pierdelowy* (в загадке) «*Dziesięci hłopów ciągną drzewo na pierdelową górę*» (о десяти пальцах, которые загибаются, подтягиваются снизу вверх), *pierdoń*, также употребляемое только в загадке о пальцах рук [Karłowicz IV, 91]. Обе лексемы производят впечатление дериватов с суффиксами *-el-* (позднее присоединен адъективный *-ow-*) и *-on-* от основы *pierd-*, которая теоретически восходит к какому-то псл. **pъrd-*. Действительно, славянскому (как, впрочем, и другим индоевропейским языкам) известен глагольный этимон **pъrd-* со значением ‘lautfûrzen’ [см.: Pokorny 819: **perd-*], но к польским формам он не имеет отношения, поскольку контекст загадок о загибающихся пальцах сводит к нулю всякую возможность объяснения их как производных от указанной основы. Таким образом, пол. *pierdelowy*, *pierdoń* оказываются словообразовательно изолированными, т.к. для них не обнаруживается производящая основа, поэтому возникает сомнение: действительно ли они являются продуктами польского словотворчества? Поскольку вопрос об инфильтрации названных диалектизмов из контактных неславянских языков нами не рассматривается ввиду отсутствия материала, который можно было

бы принять в качестве источника заимствования, считаем логичным определять их как репрезентанты соответствующих праславянских форм – **pъrdonъ* и **pъrdolъ*. Но точкой отсчета в их истории, по-видимому, был не праславянский, а общеиндоевропейский период, когда еще существовала основа **pъ-dh-*, представляющая расширение суффиксом медия *-dh-* (реликтовые глаголы с этим суфф. описаны в: [Иванов 99, 174]) корня **pъ-*, вариантного относительно восстанавливаемого в литературе **prā-* ‘гнуть, сгибать; извиваться’ [Pokorny 843], ср. к соотношению вариантов этимона и.-е. **per-* ‘рождать, производить, порождать’: арийск. **prā-* [ЭСИЯ 77]. От базового **pъdh-* были образованы *l-* и *n-*основы **pъdh-ol-/pъdh-on-*, унаследованные праславянским, в котором они подверглись дестимологизации из-за отсутствия производящего слова (это лексическое гнездо вообще плохо сохранилось в индоевропейских языках). Легкость выделения суффиксальной части в обоих словах при неясности производящей основы объясняется их формальной соотносительностью с польской (и не только) лексикой, образованной по моделям с суффиксами *-on-*, *-el-*.

К следам упомянутого индоевропейского этимона в славянском, вероятно, принадлежит **pъrditi*, реконструируемое на базе рус. диал. *пердѣть* ‘перематывать’ [СРНГ 26, 19] с перестроенным тематическим вокализмом (из **пердитъ*). У нас нет достаточных оснований предполагать наличие в праславянских диалектах, к которым восходит лехитская подгруппа, соответствующего глагола, поэтому считать названные выше существительные фактом именно славянской отглагольной деривации было бы несколько преждевременным. Скорее всего, это независимые (параллельные) образования от одной и той же основы, функционировавшие в разных праславянских идиомах. Изложенная этимология поддерживается и со стороны предполагаемого базового значения индоевропейского прототипа ‘гнуть, сгибать; извиваться’, эволюция которого вполне могла привести к обозначению загнутого пальца или к названию процесса перематывания.

4. Рус. диал. свердл. *серѣмный* ‘рыжий (о корове)’ [СРНГ 37, 211] целесообразно определять как рефлекс псл. **sermenъ*, которое в свою очередь воспроизводит и.-е. **ser-men-*, первоначально относившееся к атематическому (консонантному) склонению (*n-*основа) и тематизированное (на *-o*) в праславянском. Реконструкция индоевропейского прототипа оправдана: поскольку достоверных следов производящей для **sermenъ* основы (ср. гнездо и.-е. **ser-*, **sor-* ‘красный’, ‘рыжеватый’ [Pokorny 910–911]) в праславянском не обнаруживается, можно говорить о старом прилагательном с суффиксом *-men-*, словообразовательно и семантически близком псл. **rudmĕnъ* (> **rumĕnъ*),

ср. рус. *румяный* и др. со значением ‘красный’, ‘желтый’ [Фасмер 517] с продленным вокализмом суффикса. Впрочем, форма современного русского слова двусмысленна, т.к. может отражать как позднюю трансформацию **sermenъ(jь) > *серемный > серёмный* (стала возможной из-за осмысления конечного *-н* как суффикса прилагательных *-н-* под влиянием структур типа *тёмный, неумный* и т.п.), так и первоначальное **sermnъ(jь) < и.-е. *ser-mno-* (*-мно-* как вариант к *-meno-*). С другой стороны, учитывая функционирование *-мно-* (~ *-men-*, образовавшее адъективы) как суффикса причастий медиопассива [ср.: Бенвенист 146, 149; Семереньи 334 и др.], в **ser-mno-* (или **ser-meno-*) возможно видеть древний партиципий от глагольной основы с огласовкой *e* (ср. выше и.-е. **ser-*, которое потенциально могло выполнять и глагольную функцию), т.е. первоначально **окрашенный* в красный, рыжий цвет’.

5. В завершение хотелось бы сказать несколько слов о славянской лексике с исходом на *-ut*. Первым крупным опытом описания слов, имеющих такую структурную черту, является второй том «Сравнительной грамматики славянских языков» Ф. Миклошича, полностью посвященный классификации и описанию славянских словообразовательных форматов. Слова с конечным сегментом *-ut* определены тут как дериваты с суффиксальным формантом *-utъ* (здесь же собраны и производные формы) [Miklosich 200–201]. Многие из приведенных ученым примеров действительно иллюстрируют модель словообразования со слав. *-utъ* (к сожалению, тесные рамки статьи не позволяют нам уделить внимание этим интересным случаям), но имеются также такие, где его вычленение возможно лишь при поверхностном взгляде на их структуру. К таковым относятся серб. *valut* ‘камень, валун’, *tilut* ‘спина’, оправданно сравниваемое со ст.-сл. *тыль*, и *polut-ak* ‘весенний заяц’ [Miklosich 201].

Первое является единицей индоевропейского генетического гнезда с этимоном **uel-* ‘поворачивать, вертеть; катать’: имеется в виду вариант с *ō*-вокализмом, грамматически оформленный как *u*-основа. Форма косвенных падежей на *-ou-* в индоевропейскую эпоху получила *t*-расширение (достаточно распространенный в древности способ модификации структуры слова, выполнявший грамматическую функцию), т.е. результат – и.-е. **vōlou-t-*. Возможность *t*-расширения *u*-основ в этом гнезде подтверждается такими примерами, как гр. *ἑλότης* ‘вид печени, крендель’ (ср. реконструируемое значение ‘вертеть’ для **uel-* [Pokorny 1140–1141]) *< *uelu-t-*. В объяснении семантики псл. **valutъ* нужно апеллировать к одному из значений этимона **uel-*, т.е. к ‘катать’ (обкатанный, обточенный водой

камень), ср. у Ю. Покорного среди перечня лексем, сформированных в этом гнезде, рус. *валун* [Рокорну 1141]. В отношении типа словообразования ср. псл. **boruta*, квалифицируемое как старое расширение (-*t*-) основы на -*u* **borъ* [ЭССЯ 2, 214]. О других случаях см. еще [Эккерт 1963].

Также и с другими примерами: все они репрезентуют следы *u*-основ с консонантным расширением. Ср.: **tūlou-t* (> псл. **tylutъ* ‘спина, тыльная часть’; след *u*-основы сохранился в терминологическом военном *тыловóй* наряду с инновационным *тылѣнный*), **polou-t* (> псл. **polutъ* ~ **polъ*, греч. **polu* ‘половина’). Во всех упомянутых случаях представлены образования индоевропейской эпохи, унаследованные праславянским словарем. Следовательно, нужно различать древние индоевропейские структуры, образованные путем *t*-расширения *u*-основ, и дериваты более позднего периода, образованные с помощью нового суффикса -*ut*-, полученного (выабстрагированного) из этих реликтовых форм.

* * * * *

Праславянский вокабуляр славянских языков, как и реликтовый слой в лексике балтийских, германских, индо-иранских, кельтских и др. языков индоевропейской семьи, содержит массу слов, представляющих собой остатки системы грамматических форм, бытовавшей в индоевропейском праязыке. Ее эволюция в каждом конкретном идиоме в эпоху существования отдельных индоевропейских языков привела к упразднению ряда древних формативов или комбинаций морфем в именной и глагольной парадигмах, однако в некоторых случаях они все же продолжали существовать, либо выступая в новом грамматическом статусе, либо сохраняясь в составе производных форм. То же касается и многих формативов, которые прекратили свое существование как самостоятельные средства слово- и формообразования уже в древнейший период истории отдельных индоевропейских языков, что привело к сращению их с корнем.

Литература

Бенвенист – *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование : [пер. с фр. Н. Д. Андреева ; ред., предисл. и примеч. Б. В. Горнунга]. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 260 с.

Иванов – *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и ранне балканский глагол. Индоевропейские истоки. – М. : Наука, 1981. – 271 с.

НПК – Новгородские писцовые книги, изд. Археографического комиссии. – С.-Петербург, 1859–1910. – Т. 1–6 и указатель.

Пиртей – *Пиртей П.* Короткий словник лемківських говірок / [упоряд. і підгот. до друку Є. Д. Турчин]. – Івано-Франківськ : Сіверсія МВ, 2004. – 326 с.

Семереньи – *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание : [пер. с нем. Б. А. Абрамова / под ред. и с предисл. Н. С. Чемоданова]. – М. : Прогресс, 1980. – 408 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. – Л. ; С.-Петербург : Наука, 1965–2013. – Вып. 1–46.

ССЯ – Словарь старославянского языка. Репр. изд. : в 4 т. – С.-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – Т. 2. – 648 с.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : [пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева]. – М. : Прогресс, 1987. – Т. III. – 832 с.

Эккерт – *Эккерт Р.* Основы на *-й-* в праславянском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. – 1963. – Т. XXVII. – С. 3–133.

ЭСИЯ – *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. – М. : Вост. литература, 2007. – Т. 3. – 493 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева. – М. : Наука, 1974–2012. – Вып. 1–38.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови : у 7 т. / за ред. О. С. Мельничука. – К. : Наук. думка, 2012. – 568 с.

Eckert – *Eckert R.* Zu einigen Reflexen der indoeuropäischen Heteroklita auf *-l-* // *-n-* in den slawischen und baltischen Sprachen // Zeitschrift für Slawistik. – Berlin, 1979. – Bd 24. – H. 1. – S. 17–23.

Karłowicz – *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. – Kraków, 1900–1911. – Т. 1–6.

Miklosich – *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. – Wien : Wilhelm Braumüller, 1875. – Bd II. – 504 S.

Pokorny – *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. – Bern ; München : Francke Verlag, 1959. – Bd I. – 1183 S.